

Галина Вишневская:

«ТОЛЬКО НА РОДИНЕ Я ЧУВСТВУЮ СЕБЯ ИНОСТРАНКОЙ»

ЕЕ ТВОРЧЕСТВО знакомо лишь старым театрам. После отъезда с мужем — выдающимся виолончелистом Мстиславом Ростроповичем из Союза в 1974 году их имена были вычеркнуты из списка отечественных «звезд» оперной и симфонической музыки. Вычеркнуты, но не забыты: на уцелевших в домашних коллекциях пластинок по-прежнему звучал ее уникальный голос. Ну а «живым» ее голосом наслаждались с тех пор только за рубежом, где певица немедленно предоставляла возможность выступать на лучших, престижнейших сценах Европы, Америки...

И вот теперь Вишневская снова побывала в Москве. Увы, она больше не поет. Приехала к нам в новом качестве — писателя. Ее книга «Галина. История жизни» автобиографична, насыщена именами, событиями, фактами. Но в то же время это и попытка обобщающе-обличительного произведений: ведь система застоя и ее следствие — несвобода, о которых мы заговорили вслух совсем недавно, в полной мере отпечатались на судьбе этой семейной пары — Вишневской и Ростроповича.

Наша беседа с Галиной Павловной состоялась в отеле «Белград», в ее номере уставленном цветами, сразу после презентации книги. Энергичная и подтянутая, она встретила корреспондентов без высокомерия или снисходительности, но и без ложной скромности. Ее не смущали никакие вопросы — от граничащих с бестактностью она «уходила» ловко и с юмором, на риторические — терпеливо отвечала. И только когда речь зашла о ее отношении к современному положению в стране, «завелась с пол-оборота».

Славу, положение в обществе, богатство, наконец, принесли Вишневской ее великолепные вокальные и сценические данные, помноженные на честолю-

бие и адскую работоспособность. Два года назад актриса, для многих совершенно неожиданно, покинула сцену. Почему?

— Когда я уходила, газеты недоумевали: «Как же так? Певица в блестящей форме, выглядит лучше многих молодых своих коллег и прекращает выступления?!» Но я пропела на сцене 45 лет и считаю, что эта цифра исключает все вопросы. А сейчас я могу сказать еще одно: счастлива, что нашла в себе силы это сделать. Я закончила достойно — партией молодой девушки, Татьяны в «Евгении Онегине», с которой когда-то началась моя карьера в театре. Многим артистам следовало бы помнить: лучше закончить сценическую карьеру на несколько лет раньше, чем на два или три дня позже.

Ну а теперь образ жизни у певицы изменился. Бесконечные репетиции, гастролы, контракты, переезды — все это позади. Чем живет она сейчас?

Во-первых, учит. Занимается с молодой американской певицей: у той очень хорошее сопрано. Каждое лето на всевозможных музыкальных фестивалях в Англии, Германии, Америке, Италии Вишневская ведет мастер-классы для молодых певцов. А еще сопровождает мужа в его гастролях, занимается домом. Точнее, домами, потому что живет семья то в Париже, то в Вашингтоне.

В семье две дочери — обе стали профессиональными музыкантами. Старшая, как и отец, играет на виолончели, преподает в Нью-Йорке. Младшая — пианистка, но недавно у нее обнаружился и незаурядный вокальный дар. Внуки — их трое — говорят на трех языках: английском, немецком и русском. Впрочем, младшая, Настя, может пока «по-русски» только плакать, ей еще нет и года.

— Спорт? Нет, никогда не занималась — и лень, и некогда. Увлечения — путешествия и коллекционирование. Впрочем, последнее — скорее страсть, чем увлечение.

Мы оба, Ростропович и я, много ездим. И где бы ни были, обязательно покупаем старинные русские вещи. В на-

шей парижской квартире собрана великолепная коллекция антиквариата: мебель из карельской березы, фарфор, стекло, серебро... Картины Боровиковского, Левицкого, Сурикова, Репина... Это дает нам ощущение Родины, России. Такой, какой она была когда-то...

И дальше разговор зашел о сегодняшнем дне страны нашей. Станный, противоречивый, когда в течение нескольких минут Галина Павловна говорила о противоположных вещах, порой опровергая саму себя... Она заявила, что не интересуется политикой, что это не ее дело, но через мгновение яростно защищала Ельцина, называла его позицию «открытой и честной». Говорила, что стала иностранкой до мозга костей, но несколько раз подчеркнула, что она — «обычная русская женщина». В ее речи постоянно присутствовало местоимение «ваше»: «ваша страна», «ваше правительство», «то, что у вас происходит». Но когда ее спросили, помогли ли они с Ростроповичем своим соотечественникам, привела впечатляющий перечень подарков и пожертвований. Кстати, благотворительность их особая, вдумчивая, если можно так выразиться. Они, в частности, подарили несколько инвалидных кресел «Эрмитажу», чтобы долгие экскурсии по музею стали доступны больным людям.

Она призналась, что едва не разрыдалась, зайдя в гастроном напротив своей гостиницы и увидев пустые прилавки и безнадёжные лица стоящих в очереди. Она возмущалась дешевыми арбатскими поделками, по цене не уступающими подлинным произведениям искусства. Она, пережившая ленинградскую блокаду, яростно обвиняла правительство, которое в мирное время довело страну до уровня блокадного Ленинграда.

И стало ясно, что, уехав семнадцать лет назад за рубеж, сроднившись с той, совсем «не нашей» жизнью так, что «ни в

одной стране мира не чувствую себя большей иностранкой, чем на родине», Галина Вишневская не утратила с нашей страной, нашим народом духовной связи. На вопрос, следит ли она за событиями во Франции и Америке, воскликнула: «Да мне просто некогда! Я же смотрю вашу первую программу, «Время» никогда не пропускаю, «ТСН» всегда жду, хотя в последнее время ждать стало нечего... Я выписываю добрый десяток ваших газет и журналов — от «Литературки» и «Аргументов и фактов» до «Нового мира». Причем выписываю в двух экземплярах, на два адреса — в Париж и Вашингтон, чтобы при переездах не лишать себя и мужа свежих новостей».

Традиционный вопрос о ностальгии, на который приходится отвечать едва ли не всем нашим соотечественникам — эмигрантам, заставил Вишневскую задуматься.

— Ностальгия? Пожалуй, нет, это чувство мне незнакомо. Возьмите любого иностранца — скажем, итальянца, работающего в Америке. Он может безумно скучать по Италии, по своему дому, семье, морю. Но для того, чтобы приехать домой, ему нужно одно — деньги. Заработал — и весь земной шар

у его ног. А из России уезжали навсегда, без надежды, с чувством невозможности вернуться. Вот это «навсегда» и есть ностальгия.

Она не вернется. Вышла сто-тысячным тиражом ее книга, ее исповедь, предложенная издательством «Новости» советским читателям по 30 рублей за экземпляр. Наверное, будут заключены контракты на выпуск пластинок. (Ее последние парижские записи — это все лучшие русские романсы). Возможно, будут концертные выступления Ростроповича и новые благотворительные дела. Но она не вернется. Даже от предложенного гражданства они с мужем отказались.

Вишневская не скрывает своей веры. Она носит крест, считает святым долгом помочь ближнему. А как же христианская заповедь о всепрощении? Да, когда-то прежнее руководство страны, поступило с ними жестоко, а друзья и знакомые промолчали, не посмели защитить. И хотя прошло столько времени... неужели не простила тем, тогдашним? Но задавать этот вопрос я передумала: за-чем?

И. НЕВИННАЯ.
(Спец. корр. «Труда»).

